

УДК 165.0:167:001.8

В. И. Коляда
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии
Запорожского национального университета

С. Н. Гребинь
кандидат философских наук,
преподаватель кафедры философии
Запорожского национального университета

СИСТЕМНЫЙ ХАРАКТЕР МЕТОДА ФИЛОСОФСКОГО ПОЗНАНИЯ

Опыт философских исследований проблем историко-философского характера показывает, что глубина и новизна выводов теоретического анализа напрямую зависит от той методологии, которая в процессе исследования применялась. Поэтому перед исследователем всегда встает принципиально важный вопрос, связанный с пониманием природы самого метода теоретического анализа и того, как этот метод должен быть реализован в системе знания. И если мы понимаем, что подлинный акт философского творчества предполагает непредвзятое и объективное постижение предмета исследования, своего рода погружение мышления в логику предмета и его содержания, то, соответственно, и метод должен пониматься не как внешняя схема или механический алгоритм решения проблемы, а как имманентный способ развертывания теоретического знания. Цель данной статьи – показать, как метод философского познания интегрируется в систему теоретического знания и становится ее внутренней движущей силой.

В своем исследовании мы будем опираться на методологические идеи представителей немецкой классической философии, а в современной философии – на идеи Л.С. Выготского, Э.В. Ильенкова, Л.К. Науменко, П.В. Копнина, С.Н. Мареева, М.А. Булатова и других авторов.

Характеризуя специфику *метода* философии как науки, выдающийся представитель немецкой классической философии Г.Ф. Гегель утверждал, что вся философия, резюмируется в ее методе. «Суть дела исчерпывается не своей целью, – писал Гегель, – а своим осуществлением, и не результат есть действительное целое, а результат вместе со своим становлением» [4, с. 2]. Так Гегель предварительно характеризовал сущность научной системы знания и научное понимание реализованного в ней философского метода. Учитывая важность задачи стоящей перед философией (то есть представить не «агрегат сведений» о мышлении, а показать подлинно научную картину генезиса сознания, теоретически развернутую в форме понятий и категорий мышления), Гегель прекрасно понимал, что для ее выполнения необходимо создать новый, соответствующий задаче и предмету исследования метод. При этом он считал, что без системы нет науки, а без метода нет системы знания.

Еще раньше И. Кант также называл свою философию «*системой метода*» и ставил глобальную задачу для работы последующей философской мысли именно в направлении создания истинного метода. В частности, сверяя правильность понимания предмета и метода философии, Кант отмечал, что философия не должна и не имеет права брать для себя в качестве способа исследования и изложения метод у подчиненных ей наук, например, у математики, а должна создать новый, свой собственный философский метод, соответствующий предмету этой науки [6, с. 254].

Без преувеличения можно сказать, что утверждение Гегеля относительно того, что философия резюмируется в ее методе, в полной мере применимо и к любой конкретной науке, к любой теоретической системе знания, претендующей на статус науки. Именно вся общая система теоретического знания конкретной науки в своей действительности представляет собой так же и вполне определенную форму системы *метода* этой науки – метода, теоретически развернутого в понятиях и категориях конкретной науки. Ее внутренняя

структура воспроизводит одновременно, как логику развертывания конкретного предмета познания, так и способ (метод) его постижения. «Метод, таким образом, – пишет Гегель, – есть не внешняя форма, а душа и понятие содержания» [5, с. 423]. С Гегеля, собственно, и начинается научное понимание логики как системы метода, а научной теории – как формы его практической реализации в контексте и содержании конкретной науки, понимание того, что именно предмет исследования науки диктует логику и метод его теоретического познания. С точки зрения Гегеля, метод не возможен сам по себе в форме совокупности абстрактных рекомендаций для научных изысканий познающего субъекта в отрыве от объективного предмета науки. Он возможен только как система развертывания какого-то конкретного содержания, конкретного предмета науки. В этом заключается смысл гегелевского «нового понятия научного рассмотрения». «В «Феноменологии духа», – настойчиво подчеркивает Гегель, – я дал образчик этого метода применительно к более конкретному предмету, к сознанию» [3, с. 124].

Необходимо отметить, что это диалектически противоречивое единство предмета и метода в системе науки представляет собой достаточно сложный и многогранный процесс. Л.С. Выготский утверждал, что поиск и выработка метода исследования в науке является одной из самых, если ни самой сложной, задачей познания, задачей, которая по своей сущности даже сложнее самого постижения предмета науки [1]. Как известно, мировая современная психологическая наука называет Л.С. Выготского «Моцартом» в психологии. Уже только поэтому стоит внимательно прислушаться к методологическим идеям этого великого мыслителя. Становление метода любой науки, по мнению Л.С. Выготского, проходит как бы два этапа. Вначале метод противостоит предмету исследования в качестве внешней предпосылки как набор методологических приемов и способов изучения. А затем он из внешней предпосылки проникает внутри теории и становится ее имманентной сущностью и внутренней опорой. В последующем, когда теория науки будет направлена на дальнейшее познание своего предмета, она вся выступает, от начала и до конца, как теоретическая *система метода* [1]. Таким образом, метод и теория конкретной науки – это конкретное тождество противоположностей внутри одного и того же целого – системы теоретического знания.

Признавая системность в качестве необходимой формы развития научного познания, мы тем самым признаем то, что сущность объективного процесса, к открытию и познанию законов которого стремится конкретная наука, находит свое теоретическое выражение не в отдельном положении или их механической сумме, а в целостной системе знания как совокупности взаимосвязанных положений, то есть во всей общей теоретической системе знания. Поэтому системность конкретной науки выражает особое качество теории, особый характер научной формы отражения действительности. И это есть всеобщее и необходимое свойство любой теории.

Но почему всё же конкретная наука на высшем этапе ее методологического развития всегда организуется в *систему знания*? Почему иначе ее теория не может существовать? Ответ на этот вопрос не может просто заключаться в так называемой «специфике» научной деятельности ученого в

рамках теоретического познания. Он должен иметь вполне объективные основания и, прежде всего, *практические*.

Системный характер конкретной науки отражает системный характер практического отношения человека к действительности, целостный характер человеческой практики. И если сущностью отношения теории и практики является их единство и взаимодействие, то и само это взаимодействие должно иметь так же *системный характер*. В самой теории ее отношение к практике принимает форму взаимодействия предмета и метода науки, внутри этого взаимодействия и совершается развитие содержания конкретной науки. Говоря строгим философским языком, это и есть процесс совпадения логического и исторического в научно-теоретическом познании.

Правильным и истинным метод в теории предмета конкретной науки может быть только тогда, когда он обладает способностью проникнуть в сущность исследуемого предмета и адекватно воссоздать его теоретический образ. Другими словами, метод должен иметь соответствующее объективное основание, то есть быть своеобразным отражением имманентных закономерностей предмета исследования и определяться именно его логикой, «логикой предмета» и его специфической особенностью.

В этой связи хотелось бы привести высказывание Л.К. Науменко относительно самого понятия «логика предмета». «Что же, однако, – пишет Л. Науменко, – представляет собой эта «логика предмета»? Философу-неопозитивисту само выражение «логика предмета», «логика содержания» представляется совершенно лишенным смысла. Для него существует лишь логика восприятия вещи и ее «словесного бытия», но никак не ее собственная логика. С точки зрения неопозитивистов, проблемы метода научно-теоретического познания, выражающегося в формах движения мысли специфическую природу содержания, вообще не существует. Единственной проблемой логики остается проблема формального соответствия мыслей друг другу внутри принятой системы допущений, проблема построения внутренне непротиворечивой системы высказываний, опирающихся на некоторые гипотетически принятые предпосылки. Проблема же отражения природы вещи в логике понятий в рамках философии неопозитивизма вообще не встает, поскольку она вообще не признает наличия у вещей какой-либо собственной природы. Между тем, именно этой проблеме и именно этой категории, категории сущности, исторически и по существу обязана своим существованием логика, и как способ духовной жизнедеятельности человека, и как наука» [8, с. 8–9].

Именно внутреннее содержание логики предмета науки в преобразованном и теоретически переосмысленном виде становится основой формирования приемов и познавательных принципов, которыми руководствуется исследователь в ходе теоретического отражения объекта. Вот поэтому метод конкретной науки зависит от ее предмета исследования и полностью детерминирован им. Однако эта зависимость и обусловленность метода не может иметь «зеркальный», однонаправленный характер. Решение теоретических и вообще любых познавательных проблем, даже самых незначительных, уже предполагает в качестве необходимой предпосылки владение определенным методом, в котором аккумулирован в понятиях исторически предшествующий познавательный опыт. В этом смысле, когда общая теория науки направлена на дальнейшее познание своего предмета во всем многообразии его проявлений, она и выступает в начале и до конца как *система метода*. Процесс развития теоретического знания и процесс становления научного метода – это, по сути, один и тот же процесс, совпадающий в своих всеобщих и необходимых формах.

Таким образом, уже на первом этапе развития конкретной науки сталкивается с объективным противоречием, суть которого состоит в том, что метод науки с самого начала обусловлен его предметом и его спецификой. С другой стороны, сам подход к предмету и даже его предварительное теоретическое осмысление уже должно быть обусловлено определенным методом, принимаемым как внешняя пред-

посылка исследования. Справиться с этим, как и с другими объективно и неизбежно возникающими противоречиями в процессе развития теоретического знания, может только мышление, понимающее истинную сущность метода не как набора формальных приемов и инструментов познания, а как логику разрешения противоречий в процессе познания конкретного предмета науки. Ибо, в конечном счете, в науке «нужны не общие методологические рекомендации, – отмечает С.Н. Мареев, – а теоретическая система метода, которая в качестве таковой совпадает с системой логики» [7, с. 71], и мы добавим, – логики предмета конкретной науки. Итак, системный характер теоретического знания вытекает из противоречивого единства предмета и метода конкретной науки, которое возникает и находит форму движения и разрешения в самом реальном процессе теоретического познания, в ходе которого, собственно, и совершается построение теоретической системы науки. Никаким иным образом конкретное знание науки существовать не может по самой своей природе. Такова, в общих чертах, сложная архитектура соотношения метода и теории, отношения предмета и метода конкретной науки в целом.

В контексте исследования и изложения материала конкретного исследования реализуется и одновременно резюмируется метод науки. Метод, по существу, неотделим от теоретического содержания самой науки. В этом смысле нужно отличать *метод* всей науки от применяемых ею методологических приемов, способов и принципов исследования. Таким образом, метод конкретной науки находится в органическом единстве с теорией этой науки и является ее *основанием*. В этом и состоит *научное*, а не обыденное, то есть упрощенное, понимание сущности метода конкретной науки.

Таким образом, как мы уже показали, отношение предмета и метода носит системный характер, который определяется логикой развития самого предмета и его имманентной структурой. Сама имманентная структура воссоздается на основе логики предмета в теоретическом мышлении. Метод науки не возникает, как «феникс» из пепла, а имеет свою сложную системную организацию, реализующуюся на разных этапах проникновения его в предмет. Практическая истинность всеобщих абстракций в науке достигается вместе с построением всей конкретной теоретической системы науки. Исходя из этого, возникает необходимость проанализировать специфические особенности становления системного единства предмета и метода науки в процессе его реализации в теоретической системе науки.

Определение специфики предмета науки, сущностное выявление его в теории совпадает одновременно со становлением и метода его познания. Метод находится в единстве с предметом исследования только тогда, когда он рождается вместе с развертыванием теоретического содержания этого предмета как его внутренняя опора и структурообразующий принцип.

Наглядный пример такой работы теоретического мышления мы находим, например, у Л.С. Выготского в его концепции культурно-психологического исследования природы человеческого мышления. Л.С. Выготский выделяет в качестве исходной клеточки начала теоретического анализа проблемы и, одновременно, начала построения теории психологической науки так называемую «рудиментарную функцию», которая в дальнейшем станет исходным пунктом всего метода исследования культурного развития человека и его мышления. «Анализ этих психологических форм, – писал Л.С. Выготский, – раскрывает нам, чем прежде были высшие психические функции. Анализ дает нам исходную точку их генезиса и, вместе с тем, исходную точку всего метода. Разумеется, только исходную точку. Ни на йоту больше... Они лишь подводят нас к исследованию, но не вводят в него. Но только этого мы и ждем от нашего анализа. Нам нужен метод» [2, с. 61].

Мы не будем ставить здесь задачу детального изучения или пересказа психологической концепции мышления Л.С. Выготского, а попытаемся лишь рассмотреть некоторые логические основания его методологических идей,

имеющих всеобщее значение для анализа природы теоретического мышления вообще. Итак, понятие «рудиментарной функции» в культурно-психологической концепции Л.С. Выготского является исходной «клеточкой», точкой отсчета, которая дает начало методу. С другой стороны, сама эта «клеточка» начала может быть понята до конца только в составе целого (теоретической системы) как результат исследования. Высшее – ключ к пониманию низшего. В то же время низшее выступает началом анализа, который должен только подвести к высшему, в составе которого само низшее может быть понята до конца. Это и есть начальный этап процесса становления системного единства логики предмета и метода, в ходе которого происходит как бы «оборачивание» метода. Следующий момент становления указанного единства состоит в определении общего основания как принципа отбора эмпирических фактов для дальнейшей выработки понятий предмета исследования науки. «Всякое конкретное явление совершенно неисчерпаемо и бесконечно по своим отдельным признакам, – писал Л.С. Выготский, – надо искать в явлении то, что делает его научным фактом. Это именно и отличает наблюдение солнечного затмения астрономом от наблюдения этого же явления просто любопытным. Первый выделяет в явлении то, что делает его астрономическим фактом; второй наблюдает случайно попадающие в поле его внимания признаки» [1, с. 302]. Научный признак факта объективной действительности как бы сверяется с этим общим основанием и осмысливается внутри него. С другой стороны, сам объяснительный принцип научности фактов не может быть заранее предзадан до всякого обобщения, так как он сам является продуктом системы знания. Лишь в случае обобщения в науке рождается и сам способ обобщения. Оторвать здесь одно от другого также невозможно. Нельзя отделить способ *плавания от способа* плавания, который реально осуществляется как *определенный способ плавания*, а не набор различных физических телодвижений и приемов держаться на воде, лишь внешне напоминающих само *плавание*. «Научное познание, – отмечает Л.С. Выготский, – должно приспособляться, применяться к особенностям изучаемых фактов, должно строиться согласно их требованиям» [1, с. 298].

Таким образом, не логика метода определяет отбор фактов для трансформации их в систему науки, а логика фактов определяет метод и сам способ их теоретического осмысления. Эмпирический факт сам объективно устанавливает своеобразный критерий своей научной значимости для теоретического мышления, которое и отражает его в логике понятий как *научный факт*. Не факты для метода, а метод для фактов. Не предмет исследования подгоняется под метод исследования, а метод реконструируется в соответствии с логикой развития предмета науки. Хотя внешне, в явлении, все может выглядеть как раз наоборот. Все эти вопросы находят свое принципиальное разрешение в диалектически противоречивой взаимосвязи общей и частной методологии конкретной науки.

Концептуальная идея Л.С. Выготского о системном единстве предмета и метода в научном познании очень проста для понимания и основывается на известных закономерностях стремления научного познания к высшей, теоретической, стадии своего развития. Суть этой закономерности состоит в том, что всякой совокупности частных дисциплин должна соответствовать общая теоретическая система науки как их методологическая база. Объяснительные принципы для комплекса частных дисциплин являются, по существу, философскими принципами. И в этом смысле любая общая наука есть своего рода «философия» для специальных дисциплин. А этим общим теоретическим наукам, в свою очередь, также должна соответствовать общая теоретическая основа более высокого порядка, то есть общая методология, чем и является *философия как наука о мышлении*.

Таким образом, философия выступает в роли не «науки наук», или служанки у частных наук, а служит методологической основой для выработки способа понимания эмпирических фактов конкретной науки. Характеризуя взаимосвязь общей теоретической науки с ее частными дисциплинами, на

примере общей биологии, Л.С. Выготский писал: «Она имеет дело, конечно, не с живыми конкретными объектами – растениями, животными, а с абстракциями, как организм, эволюция видов, естественный отбор, но все же при всем при том, она при помощи этих абстракций изучает, в конечном счете, ту же действительность, что и зоология с ботаникой. Было бы ошибкой сказать, что она изучает понятия, а не отраженную в этих понятиях действительность» [1, с. 311]. Любая конкретная наука изучает, в конечном счете, не понятия или абстрактные знаки и термины языка науки сами по себе (за исключением специальных областей языкознания), а действительность посредством этих понятий, знаков и терминов. Научное познание фиксирует в себе предметное отношение, отраженное в понятиях и категориях научного познания, а не отношение между понятиями самими по себе. Оно фиксирует действительность посредством этих понятий, знаков и терминов. Любое понятие науки фиксирует в себе сгусток реальности как определенный результат познания, который затем становится условием и предпосылкой для понимания последующих шагов познания конкретного предмета науки.

Более того, уже сами полученные путем абстрагирования понятия и категории частной дисциплины служат для общей науки единственным эмпирическим материалом, в результате переработки которого и возникает специфическая реальность теоретического знания. Чтобы лучше понять механизм становления методологического единства предмета и метода в процессе его системной реализации в научном познании, необходимо более детально рассмотреть саму взаимосвязь частных дисциплин с их общей теоретической наукой, и последней – с общей философской методологией.

Взаимодействие философии как науки с конкретными научными дисциплинами носит опосредованный характер. Опосредующим звеном в указанной цепи выступают общие теоретические науки этих частных дисциплин. «Вся проблема общей и частной науки, с одной стороны, и методологии и философии, с другой стороны, – писал Л.С. Выготский, – есть проблема масштаба: нельзя в верстах измерять человеческий рост, для этого нужны сантиметры» [1, с. 418]. Далее он продолжает: «И если мы видели, что частные науки имеют тенденцию к выходу за свои пределы, к борьбе за общую меру, за общий масштаб, то философия переживает обратную тенденцию: чтобы приблизиться к науке, она должна сузить, уменьшить масштаб, конкретизировать свои положения. Обе тенденции – философии и частной науки – одинаково ведут к методологии, к общей науке» [1, с. 418].

Эмпирическая наука нуждается в философской методологии, ее принципах как методологической основе для выработки способа понимания конкретных фактов, потому что если не будет принципов научной философской методологии, эмпирическая наука найдет себе другие. И кто знает, может эти другие будут почерпнуты из какой-нибудь концепции религиозно-мистического толка. И тогда тот или иной эмпирический факт конкретной научной дисциплины может получить совершенно противоположное его сущности мировоззренческое истолкование. Научное познание объективно заинтересовано в том, чтобы частные дисциплины в своей основе опирались на законы и принципы философской методологии. А для этой цели, прежде всего, должны получить надлежащую методологическую организацию их общие теоретические науки, соответствующие совокупности частных дисциплин, через которые и посредством которых философский метод и может быть реализован как всеобщий метод теоретического мышления и сможет проявить свой универсальный конкретно-всеобщий характер в особенном, отдельном и единичном.

Что касается непосредственно науки, в частности – психологии, применение философского метода в этой науке и будет означать создание общей теоретической психологии на основе философского метода. Таким образом, философия как наука о мышлении и его всеобщих формах, логических категориях является универсально всеобщей методологией, дает не готовое решение вопросов для частных наук, а ключ к пониманию всех других, низших форм развития. Общая ме-

тодология здесь замыкается на системе общих теоретических дисциплин частных наук, которые, в свою очередь, трансформируют принципы философской методологии, служат научной методологической базой для своих частных дисциплин. В этой развернутой цепи метод не привносится извне, а кладется в основу как предпосылка. Дальнейшее собственное движение конкретной науки осуществляется уже на своей собственной теоретической основе. На этом этапе развития науки можно говорить о единстве предмета и метода как таковом, это критерий того, что наука рассматривает свой предмет объективно, исходя из его логики имманентного саморазвития.

Прослеживая цепь взаимодействия «философия – общая наука – частная дисциплина», мы можем установить в качестве субстанциальной основы то, что каждое звено получает свою системную определенность в процессе проникновения метода в предмет, и познание движется в соответствии с логикой предмета. Там же, где это системное единство еще не достигнуто, говорить о теоретической стадии развития научного знания преждевременно. В связи с этим одним из важных отличительных признаков науки наряду с ее истинностью, объективностью и открытием законов, является ее системная методологическая организация. Без системы нет науки, а без метода нет системы знания. Метод науки всегда системен, а теоретическая система науки и есть ее развернутый в теории метод, который неотделим от системы теоретического знания. Исходя из этого, может показаться, что создание таких общих «прикладных» теорий методологий лишь усложнит путь реализации философских принципов в научном познании. Однако историко-философский анализ развития представлений об отношении предмета и метода показывает, что это принципиально важный аспект решения проблемы обоснования системного характера метода науки. И если научное познание имеет своей целью осмыслить действительность объективно-истинно, не привнося ничего лишнего в рассмотрение предмета извне, в том числе и метод как формальную схему, то оно должно потратить усилия для прохождения этого пути построения научной системы знания. В результате станет совершенней не только исследование предмета, но и сам метод науки.

Единство предмета и метода конкретной науки, осуществляясь в виде процесса приращения нового знания, с необходимостью охватывает собой различные формы конкретно-научного познания, начиная с тех, которые посвящены освоению отдельных сторон метода исследования науки, включая вопросы, связанные с отношением общей науки к ее конкретным дисциплинам. В связи с этим, указанное единство, осуществляясь как процесс, и представляет собой конкретную теоретическую форму реализации движения от науки к практике. Подлинная наука, как и ее метод в целом, предполагает содержательный анализ своего предмета. Поэтому абстрактно-теоретические построения в этом плане давно утратили силу. Более того, сама философская наука без этого взаимодействия превращается, в лучшем случае, в теоретическое оправдание существующих наличных форм социальной практики. Методологическая функция философского познания, в частности, состоит в том, что это тоже определенная форма единства особенного предмета и его метода, где таким особым, специфическим предметом и выступает само мышление в его конкретно-исторической форме. Вне этого единства философская методология – пустой звук или, в лучшем случае, словесно оформленный набор абстрактных принципов, лишенных всякой жизни, ибо сами по себе они не заключают никаких содержательных норм, почему, например, нужно рассматривать предмет так, а не иначе.

Таким образом, философский метод – это творческий метод, а в форме конкретного историзма, в частности, он превращается в метод открытия только благодаря движению по логике предмета и в содержании предмета науки. Он живет в процессе открытия и в форме общей теоретической системы науки. Как только исследование завершено, метод застывает в понятиях и категориях науки. И тогда его можно формализовать, то есть превратить в набор готовых схем и алгорит-

мов, приемов познания и т. д. Но метод науки как система знания, в целом, не формализуем, потому что его нельзя отделить от постоянно развивающегося содержания предмета науки. В этом смысле научный метод и рождается вместе с конкретной наукой, и функционирует только благодаря ей. Однако это не недостаток научного метода, а как раз его достоинство.

Литература

1. Выготский Л.С. Исторический смысл психологического кризиса : Собрание сочинений : в 6-ти т. / Л.С. Выготский ; под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1982. – Т. 1. – 488 с.
2. Выготский Л.С. История развития высших психических функций : Собрание сочинений : в 6-ти т. / Л.С. Выготский ; под ред. А.М. Матюшкина. – М. : Педагогика, 1983. – Т. 3. – 368 с.
3. Гегель Г.Ф. Наука логики : Соч. в 3 т. / Г. Ф. Гегель. – М. : Мысль, 1970. – Т. 1. – 501 с. – (Серия «Философское наследие»).
4. Гегель Г.Ф. Феноменология духа : Соч. в 14 т. / Г.Ф. Гегель ; [пер. Г. Шпета]. – М. : Издательство социально-экономической литературы (Соцэкгиз), 1959. – Т. 4. – 488 с.
5. Гегель Г.Ф. Энциклопедия философских наук / Г.Ф. Гегель ; [отв. ред. Е.П. Ситковский]. – М. : Мысль, 1974. – Т. 1. – 452 с. – (Серия «Философское наследие»).
6. Кант И. Исследование степени ясности принципов естественной теологии и морали. Соч. 6 т. / И. Кант ; под ред. А. Арсеньева и А. Гулыги. – М. : Мысль, 1964. – Т. 2. – 611 с. – (Серия «Философское наследие»).
7. Мареев С.Н. Единство метода и системы в «Капитале» К. Маркса / С.Н. Мареев // Вопросы философии. – № 5. – 1983. – С. 62–72.
8. Науменко Л.К. Монизм как принцип диалектической логики / Л.К. Науменко. – Алма-Ата : Наука, 1968. – 328 с.

Аннотация

Коляда В. И., Гребинь С. Н. Системный характер метода философского познания. – Статья.

В статье рассматривается процесс интериоризации метода философского познания в систему теоретического знания, становление его внутренней движущей силой этого знания. Опыт исследований историко-философских проблем показывает, что глубина и новизна выводов теоретического анализа напрямую зависит от используемой методологии. Перед исследователем всегда встает вопрос, связанный с пониманием природы самого метода теоретического анализа и того, как этот метод должен быть реализован в системе знания. Акт философского творчества предполагает объективное постижение предмета исследования, погружение мышления в логику предмета и его содержания, значит, и метод должен пониматься не как внешняя схема или механический алгоритм решения проблемы, а как имманентный способ развертывания теоретического знания.

Ключевые слова: метод, теоретическое знание, система, интериоризация, научное познание, методология.

Анотація

Коляда В. І., Гребинь С. М. Системний характер методу філософського пізнання. – Стаття.

У статті розглядається процес інтеріоризації методу філософського пізнання в систему теоретичного знання, становлення його внутрішньої рушійною силою цього знання. Досвід досліджень історико-філософських проблем свідчить, що глибина і новизна висновків теоретичного аналізу безпосередньо залежить від використовуваної методології. Перед дослідником завжди постає питання, пов'язане з розумінням природи самого методу теоретичного аналізу і того, як цей метод має бути реалізований у системі знання. Акт філософської творчості передбачає об'єктивне розуміння предмета дослідження, занурення мислення в логіку предмета і його змісту, отже, і метод має розумітися не як зовнішня схема або механічний алгоритм вирішення проблеми, а як іманентний спосіб розгортання теоретичного знання.

Ключові слова: метод, теоретичне знання, система, інтеріоризація, наукове пізнання, методологія.

Summary

Kolyada V. I., Grebin S. N. The systematic character of the method of philosophical cognition. – Article.

In the article the process of interiorization of the method of philosophical cognition into the system of theoretical knowledge, it's becoming an internal driving force of this knowledge is considered. The experience of studies of historical and philosophical problems shows that the depth and novelty of the conclusions of theoretical analysis directly depends on the methodology used. The researcher always faces a question related to

understanding the nature of the method of theoretical analysis and how this method should be implemented in the knowledge system. The act of philosophical creativity presupposes an objective comprehension of the subject of research, the immersion of thinking in the logic of the object and its content, hence, the method should be understood not as an external scheme or a mechanical algorithm for solving the problem, but as an immanent way of developing theoretical knowledge.

Key words: method, theoretical knowledge, system, interiorization, scientific cognition, methodology.